

которой главой былъ извѣстный авантюристъ Казанова; онъ разглашалъ о себѣ, что умѣетъ дѣлать золото и что онъ жилъ во всѣ вѣка и помнить, какъ своихъ современниковъ, Сократа, Платона, Александра Македонскаго, Юлія Цезаря, не говоря уже о замѣчательныхъ лицахъ отъ Карла Великаго до XVIII вѣка включительно. Есть преданіе, будто за веселымъ ужиномъ онъ предрекъ своимъ собесѣдникамъ ужасы революцій, и когда они показали недовѣрчивость къ его пророчеству, онъ пригласилъ ихъ посмотрѣть другъ на друга,—и они съ ужасомъ увидѣли себя обезглавленными, кромѣ одного, который вполнѣ дѣйствительно успѣлъ увернуться отъ гильотины. Разумѣется, это преданіе одного сорта съ преданіемъ о «Вѣчномъ Жидѣ» и сочинено заднимъ числомъ. Но Александру Дюма того и нужно. Онъ вспомнилъ ксати о другомъ знаменитомъ парламентарѣ XVIII вѣка, фокусникѣ, интриганѣ, пройдохѣ и мошенникѣ Калліостро,—и изъ этихъ двухъ, совершенно различныхъ, лицъ сдѣлалъ одно, предоставивъ ему лестную честь играть роль героя своего новаго романа. Этотъ герой ѣдетъ въ Парижъ верхомъ на арабскомъ жеребцѣ, сопровождая карету, которая похожа на домъ и состоитъ изъ двухъ отдѣленій: въ одномъ устроена химическая лабораторія, и въ ней столѣтній старикъ, что-то въ родѣ индѣйца или тибетца, занимается дорогой отыскиваніемъ жизненнаго элексира, дающаго человѣку безсмертіе; другое отдѣленіе какъ во всѣхъ каретахъ—въ немъ сидитъ прекрасная дѣвушка. Когда герою Александра Дюма нужно узнать или будущее, или что-нибудь такое, чего за отдаленностью нѣсколькихъ десятковъ или сотенъ миль онъ не можетъ видѣть и знать,—тогда онъ однимъ взглядомъ и размѣренными движеніями рукъ приводитъ въ сомнамбулизмъ первую попавшуюся ему молоденькую и хорошенькую дѣвушку и повелительно дѣлаетъ ей нужные ему вопросы, а она, трепеща и страдая тѣломъ и душой, покорно отвѣчаетъ ему... Такимъ образомъ, посредствомъ магнетическаго вліянія, онъ влюбилъ въ себя красавицу, обреченную монастырю и уже постриженную, и увелъ ее изъ монастыря сквозъ стѣны, запертыя на замки ворота, мимо караульных... Ему все возможно—на то онъ и герой... Въ это время ѣхала изъ Вѣны въ Парижъ австрійская эрцгерцогиня, Марія-Антуанетта, къ своему жениху, будущему королю Франціи, Людовику XVI. На дорогѣ вздумалось ей заѣхать къ одному разорившемуся маркизу (т. е. Александру Дюма вздумалось вложить ей это желаніе). Маркизь ничего не предчувствуетъ, но герой романа, остановившійся на ночь въ его развалившемся замкѣ, предсказываетъ ему это. Пріѣхала принцес-

са—принять ее негдѣ, угостить нечѣмъ. Но для нашего героя это не затрудненіе, а пустяки: махнулъ рукой — и на дворѣ, подъ липами, явилась великолѣпная палатка, а въ ней—великолѣпно сервированный столъ съ чуднымъ завтракомъ: бѣлье тоньше паутины, бѣлье снѣгу, золото, серебро, фарфоръ, хрусталь... Герой ловко набивается на честь быть представленнымъ, въ качествѣ колдуна, принцесѣ. Чтобы убѣдиться въ его чародѣйствѣ, она требуетъ, чтобы онъ предсказалъ ей ея будущую участь. Поломавшись, онъ согласился; всѣ вышли изъ палатки, колдунъ сталъ смотрѣть въ графинъ съ какой-то жидкостью и показывать его принцесѣ: Александръ Дюма не открылъ своимъ читателямъ, что увидѣла тамъ принцесса, но когда, услышавъ крикъ ея, свита вбѣжала въ палатку, принцесса лежала на полу безъ чувствъ, а колдуна и слѣдъ простылъ, словно сквозъ землю провалился... Понятно, что онъ предрекъ ей событія 93 года, столь плачевныя для королевской фамилии. Извѣстно достовѣрно, что Маріи-Антуанеттѣ никто подобнаго предсказанія не дѣлалъ; но если Александръ Дюма давно уже отрекся начисто отъ здраваго смысла, какъ унижительной для генія препоны, то что ему послѣ этого исторія — къ чорту ее!.. Пріѣхавъ въ Парижъ, онъ посредствомъ магнетизирования своей красавицы (которая, было, улетѣла отъ него, но которую онъ опять сумѣлъ вырвать изъ монастыря, гдѣ настоятельница была дочь Людовика XV) узнаетъ все, что дѣлается въ Парижѣ, и словно кашу варитъ въ химической кастрюлѣ кусокъ золота для кардинала Рогана въ его присутствіи,—кусокъ, цѣною въ триста тысячъ франковъ... Дальнѣйшихъ фокусъ-покусовъ интереснаго героя мы не знаемъ, за тѣмъ, что романъ остановился, какъ по причинѣ путешествія автора въ Испанію, а оттуда, на казенномъ пароходѣ, въ Алжиръ, такъ и по причинѣ процесса, въ который впутался великій господинъ Александръ Дюма за одну изъ тѣхъ продѣлокъ на манеръ Калліостро, которыя отъ однихъ удостоиваются названія «геніальныхъ», а отъ другихъ... какъ бы это сказать повѣжливѣе?.. ну, хоть — «безчестныхъ»... О великій господинъ Александръ Дюма, о достойный герой, о любимое, балованное дитя нашего вѣка! — что-то еще наплетешь и напутаешь ты намъ въ своемъ романѣ, когда, вдохновленный штрафами, которые принуждены будешь заплатить по приговору суда, или — чего, вѣроятно, съ тобою не будетъ — воспользовавшись уединеніемъ тюрьмы (которой бы ты, право, стоилъ!), — примешься ты вновь продолжать интересныя похождения своего интереснаго и достойнаго галеръ героя?..

И вотъ такіе-то романы теперь всѣми